

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С16

Художник — *Владимир Мачинский*

Сальников, Алексей Борисович.

С16 Опосредованно : роман / Алексей Сальников. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 411, [5] с. — (Классное чтение).

ISBN 978-5-17-113399-3

Алексей Сальников — поэт, прозаик, автор романов «Петровы в гриппе и вокруг него» и «Отдел», а также трех поэтических сборников. Лауреат премии «Национальный бестселлер», финалист премий «Большая книга» и «НОС».

В новом романе «Опосредованно» представлена альтернативная реальность, где стихи — это не просто текст, а настоящий наркотик.

Девушка Лена сочиняет свое первое стихотворение в семнадцать лет, чтобы получить одобрение старшего брата лучшей подруги. А потом не может бросить. Стишки становятся для нее и горем, и утешением, и способом заработать, и колдовством, и частью быта — ближе родных и друзей. Они не уходят, их не выкинешь, от них не отвяжешься, наверно потому, что кровь не водица, но все же отчасти — чернила.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113399-3

© Сальников А.Б.
© ООО «Издательство АСТ»

«И даже сочинения стихов на тему, никак не связанную со строительством, чего-то такое: “Птичка прыгает на ветке, на небе солнышко блестит... Примите, милая, привет мой... И что-то такое, не помню — та-та-та-та... болит...”»

Михаил Зощенко
«Мелкий случай из личной жизни»

ГЛАВА I

Воздух, содрогнувшийся вместе с составом

При всей своей нелюбви к учебе двоечники всегда знали, когда будет урок биологии о размножении человека и урок литературы о поэзии. Были бы у трудювика темы, отдельно посвященные растворителю и клею «Момент», они бы и эти уроки посещали, похихикивая и переглядываясь.

Елена была хорошисткой, из тех, кто учится ближе к тройкам, нежели к пятеркам, безоговорочно благополучно у нее складывалось только с алгеброй и геометрией. Поэтому урок о поэзии она пропустила мимо ушей. Уяснила только, что это пагубное пристрастие, но им увлекался и родоначальник русского авантюрного романа — Александр Сергеевич Пушкин, и лауреат Нобелевской премии Бунин, а принес всю эту заразу в Россию не кто иной, как великий русский ученый Ломоносов. Что прежде чем поэзия доросла наконец до пригодных к употреблению здоровыми людьми песен и произведений советских

поэтов, она прошла долгий путь, берущий начало еще в первобытное время, потом превратилась в античный театр, где греки и римляне предавались коллективному наркотическому безумию под ритмизованные произведения тогдашних авторов, под целые поэмы, которые были длиннее даже, чем «Василий Теркин», впадали в экстаз, длившийся много дней. Еще Лена запомнила, что когда учительница литературы заговорила про античность, то приняла позу, похожую на ту, в какой замерла «Статуя оратора» на картинке в учебнике истории; только тогда Лена поняла, откуда у литераторши такое необычное прозвище: Клепсидра.

Через варваров, которые использовали свои саги, мешая их эффект с химическим безумием отвара из мухоморов, через средневековые поэтические секты учительница стремительно шагнула в девятнадцатый век. Иллюстрируя приличную поэзию, прочитала басню Крылова. Двоечники со своих задних парт стали задавать неудобные вопросы про состояние поэзии в настоящее время, про то, что если официальные религии вполне себе используют стихи, пробуждая в пастве религиозное чувство и экстаз, почему же нельзя легализовать остальное стихосложение, а не только безобидное для психики.

Хулиганам интересно было задавать подобные вопросы. Им почему-то казалось, что они первые додумались до этих вопросов, им в голову не приходило, что учитель отвечает на эти вопросы каждый год, причем несколько раз, по количеству классов в потоке. Клепсидре, впрочем, стоило отдать должное.

Она не раздражалась видом ехидных подростковых рожиц, тем более ехидных, что подростки считали, будто они оригинальны в своих попытках поддеть ее. Они даже спросили, не баловалась ли сама училка стишками на первых курсах (ходили такие легенды про филфак). Хулиганов интересовало многое, например, почему алкоголь и сигареты, несущие реальный вред здоровью, не запрещены, а за распространение стишков можно загреметь на пять лет, а за написание и распространение — на все десять. Где справедливость?

Елене этот разговор показался неинтересным и не имеющим к ней никакого отношения (потому-то, собственно, и неинтересным). Она невольно отвлеклась на апрельские окна, где улица зеленела и блистала, где было уже очень жарко. Тогда, на уроке, она прослушала, что говорила учительница, но потом, сама уже работая в школе, узнала все эти отработанные педагогические ответы, где говорилось, что помимо вреда здоровью есть вещи более ценные, которые невозможно поймать рентгеном и анализом крови, что есть этика, и именно этикой регулируется в обществе множество отношений. Что же до монополии государства и церкви на использование стихов, то это по всему миру именно так, кроме, разве что, Голландии и нескольких штатов в США, но это уж их личное дело, в России хватает пока и других проблем. Кайф, появляющийся из коверкаемой речи, совершенно аморален. Обязательно приводился в пример эксперимент с крысой, которая, пока не сдохла, давила на кнопку, стимулирующую центр

удовольствия, приводились примеры из жизни, следовал рассказ про нескольких знакомых, которые увлеклись когда-то стихами и это разрушило их жизнь: кому-то для того, чтобы низко пасть, хватило и стихов, кто-то вырос из литры и закономерно перешел на более тяжелые наркотики. Из года в год повторялись вопросы и ответы, но всё было тщетно. Как и в случае с другими бесполезными и даже опасными для здоровья вещами, все рано или поздно принимались в той или иной степени злоупотреблять чем-нибудь вредным. Как-то это само собой получалось, как-то действовала местная флора, фауна, пейзажи, погода, что людям становилось скучно жить и нужно было взвеселить свое существование.

Елена считала, что никогда не будет курить, пить, а сексуальную жизнь начнет в первую брачную ночь. В отличие от многих сверстниц, которых современные нравы толкнули на стезю вполне здоровой девичьей активности с частыми влюбленностями, отслеживанием последней моды по журналам и ТВ, подростковым бунтом, Елена не перечила матери и бабушке, не увлекалась косметикой, не начесывала себе «Карлсона», идя на школьную дискотеку. Происходило это вовсе не из врожденного послушания или строгости и закостенелости старшей половины их половинчатой семьи (где мужчин не было уже почти десять лет), просто Лене было не интересно закатывать сцены, как-то особенно стричься и краситься для дискотеки или школьного фото. Закостенелой была скорее Елена сама по себе, она уже видела себя женщиной-математиком, млела почему-то от вида

«мымры» из «Служебного романа», представляла, что именно так у нее все и будет.

Впрочем, не совсем была она чужда и некоторым школьным склок. В год, когда необязательной объявили школьную форму, в девятом классе, Лена стала одеваться в одежду собственного пошива. Некоторые вещи остались незамеченными прекрасной половиной класса, но всё же короткое платье, скроенное будто из красно-черной клетчатой диванной обивки, и бежевый кардиган с большими синими пуговицами и выпуклым узором в виде ромбов подверглись девичьим насмешкам. Особенно развлек одноклассниц кардиган, который показался им старушечьим, они не уставали спрашивать, не из бабушкиного ли сундука она утянула такую замечательную обновку. Упрямая Лена старалась надевать эти предметы одежды как можно чаще. Ей было интересно, когда же девочкам наскучит эта игра, но девочкам игра не наскучивала, и если Лена надевала что-нибудь другое, они нарочито удивлялись тому, что в ее гардеробе есть еще что-то не менее смешное. Кажется, ей даже дали кличку, только Лена ее не запомнила, вроде бы даже ее и травили, даже и некоторые пацаны втерлись в эту травлю, но Лене класс был настолько неинтересен, что она этого не заметила. Вообще, дети из школы № 50, куда бабушка устроила ее по знакомству, настолько отличались от детей из ее района, что казались иностранцами, разве что разговаривающими на том же языке, иногда существами настолько чужими, что обижаться на них было просто грешно. Да, школа № 1 на Оплетина не особо

славилась своими выпускниками, а кварталы вокруг Пароходной улицы считались инкубаторами всякого мелкого криминала (и это было странно, потому что после перестройки мелкой и крупной уголовщины хватало и в других районах), но Лена не могла найти той разницы, что отличала бы «своих» ребят от тех, кого она друзьями не считала. «Свои» относились к ней хорошо, несмотря на то даже, что она порой, если было тепло, устав от запахов многочисленных бабушкиных мазей и лекарств, выходила делать алгебру и геометрию во двор и сидела за столиком, где тут же играли в карты, домино или рассказывали анекдоты.

Можно было списать эту терпимость на ее показное ботаничество, на то, что в старших классах она помогала делать математику паре молодых дворовых авторитетов, которые закономерно пошли в ПТУ, но ведь и раньше никто под нее не подкапывался, даже местные девочки. В среде «своих» тоже, конечно, попадались местные парии, и как Лена умудрилась не стать изгоем и там и там было непонятно даже ей самой. В детстве естественно воспринималось то, что где-то ее не очень любят и даже говорят об этом в открытую, а где-то есть место, где не только терпят, но и даже есть друзья. Но, когда на нее, уже взрослую, накладывало воспоминание из той поры, она почти ужасалась тому, насколько всё могло быть плохо.

Не являлись ее воспоминания ностальгией. Это была скорее попытка найти корень своей зависимости, не попытка найти даже, а больше стремление хотя бы перед самой собой перевалить ответствен-

ность за то, что с ней случилось, на неблагополучное окружение, на равнодушие, которое проявляли в воспитании мать и бабушка: им ведь важнее было, чтобы она была накормлена и одета, — то, что творилось у нее в голове, их как будто и не интересовало вовсе, лишь бы пришла домой до того времени, когда они начнут беспокоиться (причем время это сильно разнилось в зависимости от того, были ли они сами у кого-нибудь в гостях, шло что-то интересное по телевизору или им было скучно).

Но Нижний Тагил в то время, когда она заканчивала школу, когда училась в институте, вообще не являлся очень уж спокойным городом, какой район ни возьми. Действительно, кто-то из ее знакомых подсел на иглу или спился, кто-то оказался за решеткой, в конце девяностых пацаны из соседнего двора, гуляя по улице Фрунзе, умудрились до смерти избить своего ровесника, шарахавшегося возле ДК «Юбилейный», а ровесник возьми и окажись подававшим надежды хореографом, который приехал погостить к родителям и заодно решил в одиночестве ностальгически подышать красноватыми и белыми дымами металлургического комбината. Из этого почему-то раздули скандал городского масштаба, будто они запинали фигуру едва ли не уровня Солженицына (хотя попался бы им и Солженицын...). Но такие вещи, пусть и не вызывавшие большого отклика в газетах, происходили повсюду. Где бы ни родилась Лена, не подсесть на стишки ей стоило бы огромного труда, раз уж у нее оказались предпосылки. Но тут все еще и совпало: дружба с Ирой, ее старший брат, успешное поступле-

ние в институт, скука и волнение в ожидании учебы и то, что Михаил Никитыч жил совсем недалеко и пользовался благосклонностью участкового.

С Иррой они начали дружить еще в детском саду. Редко такая дружба переживает пубертат: слишком быстро с началом учебы накапливаются различные интересы и складываются разные компании, но вот что-то было между ними, что заставляло их год за годом ходить друг к другу в гости и бродить по округе. В основном они, правда, не бродили, а сидели на спортивной площадке школы № 1, где болтали о всякой ерунде, вроде последнего выпуска КВН или обсуждения сериала «Богатые тоже плачут», сплетничали в меру своих заучных сил. Ирина ушла из школы в девятом классе и поступила в художественное училище, поэтому сразу показалась Лене старше, но на самом деле не изменилась совсем, разве что стала гораздо веселее и разговорчивее.

Лена предполагала, что в том, что ее так и не начали травить во дворе, была заслуга именно Ирины, точнее, ее старшего брата Олега — сутуловатого, вечно какого-то недовольного крепыша, занимавшегося боксом. Он был старше Ирины и Лены на девять лет, поэтому мог влиять на отношение к Лене местного хулиганья там, где не помогли бы мать и бабушка, их интеллигентные призывы к совести. Бывало, что, когда мелкая Елена засиживалась в гостях, Олег молча вел ее через темный двор до самой квартиры, ждал, остановившись площадкой ниже, чтобы дверь открылась, и только тогда уходил. Он появлялся у Елены, если Ирина слишком увлекалась

и застревала допоздна, отвергал приглашения Лениных бабушки и мамы тоже посидеть и выпить чаю и почему-то всегда стеснительно усмехался в пол, когда ему это предлагали.

Увидев себя в списках поступивших в НТГПИ, Лена не смогла довести до дома эту радость, поэтому первым делом нашла телефон-автомат и позвонила сначала матери на работу, затем домой бабушке, а потом Ирине.

Подруги дома не оказалось, она укатила в Екатеринбург к родственникам, чтобы пополнить ряды абитуриентов архитектурной академии. Лена знала о планах подруги, просто забыла за своими собственными хлопотами, а теперь еще раз узнала от Олега, который к тому времени, как обе девочки успели вырасти до студенток, сам уже закончил местный филиал политеха, отслужил в армии, работал на заводе, женился. Отношения молодоженов складывались не очень, Олег приехал переждать семейный скандал под родительской крышей, именно поэтому оказался у телефона. Первым делом Олег ревниво поинтересовался, почему, собственно, пединститут, если уж Лена не гуманитарий, почему не УрГУ, не что-нибудь другое. «Уж я дуб-дубом, а отучился», — пояснил он свою претензию. Лена и сама не понимала, почему пошла в педагогику. Детей она не любила, общаться с людьми — тоже. Это было глупо, но она боялась, что ее знаний недостаточно для поступления в более престижный вуз, что преподаватели начнут смеяться над ее знаниями прямо на экзаменах, как-то так она считала, а Олегу стала объяснять совсем другими

причинами и, не в силах оправдаться перед ним, перед уверенным взрослым утуканьем, каким Олег сопровождал каждую ее фразу, Лена торопливо попрощалась с ним и бросила трубку.

После этого разговора от радости не осталось и следа. Лена стала завидовать Ирине, которая точно знала, чем хочет заниматься, всю свою жизнь. Вообще, все вокруг, судя по всему, знали, чем хотят заняться. Пока Лена ждала электричку до железнодорожного вокзала, она успела достать зеркальце из потертой сумочки (доставшейся ей от мамы и спустя год еще пахнувшей пудрой, которой пользовалась мать), полюбоваться своим несчастным видом, понаблюдать за путейщиками, которые вразвалку прошли мимо по шпалам, совершенно очевидно довольные своей жизнью, подслушала веселые разговоры на перроне, где ее ровесники обсуждали случаи своего невероятного везения во время экзаменов. Лене вовсе не повезло. Она свое поступление высидела над учебниками и художественной литературой, последнюю она читала едва ли не со слезами ненависти на глазах, потому что совершенно не понимала ни самих школьных классиков, ни этого обязательного сочинения при поступлении. Но даже профильные экзамены дались ей не так просто. В школьных математических олимпиадах она пару раз выходила на область (правда, никогда не могла прорваться дальше), а тут обычные, в принципе, задачи, казавшиеся при взгляде на них элементарщиной, поставили ее в тупик. С первого захода она не смогла решить ни одной из пяти. Только поборовшись какое-то вре-

мя с отчаянием, Лена собралась и разглядела, где она ошиблась сначала. Но на этом ее страдания не закончились. Вечером после экзамена Лене придумалось вдруг, что она не поставила «плюс-минус» в одном из ответов, — это была мука, которой нельзя было поделиться ни с кем из близких: мама стала бы упрекать Лену в том, что она рассеянна, а бабушка принимала все Ленины неприятности слишком близко к сердцу и могла разыграть целую драму, мастерски используя в качестве реквизита и валерьянку, и валокордин, и еще какие-то таблетки, и стакан с водой в трясущейся от волнения руке.

Усталая и пришибленная, Лена села в электричку, затем на автопилоте перебралась в трамвай на вокзальной площади. Женщина — водитель трамвая — объявляла остановки веселым голосом. Летняя жизнь внутри трамвая и снаружи него казалась Лене похожей на карнавал из песни Леонтьева: девушки были завиты и покрашены, некоторые мужчины как будто пьяны, на девочках были разноцветные лосины, на голове каждого третьего мальчика была синяя или камуфляжная бейсболка с надписью «USA». Весь проспект Ленина — от огромного «Дома быта» до поворота на Островского — был заставлен различными комками с видеокассетами, едой, трикотажем, игрушками. Было невыносимо светло, шумно, пыльно и очень жарко.

Только позже, когда шла уже к дому и при этом идти домой не хотела, Лена немного успокоилась, однако не настолько, чтобы не быть слегка оглушенной